

Научная статья

УДК 94(47)“1771”:39:316.35:357.1

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.57.8

Российско-казахский военный альянс в период откочевки калмыков из России в январе — августе 1771 г.

Степан Викторович Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, djund@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Аннотация. В 1771 г. значительная часть калмыков-торгоутов во главе с заместителем калмыцкого ханства нойоном Убаши откочевала из России в завоеванную Китаем Джунгарию. Путь калмыцкой орды пролегал через территорию входившего в состав Оренбургской губернии Яицкого казачьего войска и далее по казахским степям к границам Китайской империи. На основе переписки казахского хана Нурали с оренбургским губернатором И. А. Рейнсдорпом, а также рапортов русских офицеров в статье рассматривается военное взаимодействие российского и казахского войск, участвовавших в преследовании калмыков. Задача предпринятой союзниками военной экспедиции не была выполнена. Ее неуспешное завершение было обусловлено рядом факторов политического и военно-организационного характера. В их числе разница целевых интересов и несложившиеся доверительные отношения между союзниками. Российские корпуса были отправлены в поход неукомплектованными, с ограниченным запасом продовольствия, сказалось и отсутствие опыта длительных походов вдали от пограничных линий. В результате более быстрого продвижения и удачного маневрирования калмыкам удалось избежать столкновения с российским войском.

Ключевые слова: военный альянс, Джунгария, казахский хан Нурали, калмыки, оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп, преследование, снабжение, степь.

Для цитирования: Джунджузов С. В. Российско-казахский военный альянс в период откочевки калмыков из России в январе — августе 1771 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 1 (57). С. 114—128. URL: http://vestospu.ru/archive/2026/articles/57/8_57_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.57.8.

Original article

The Russian-Kazakh Military Alliance during the Migration of the Kalmyks from Russia in January — August 1771

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, djund@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Abstract. In 1771, a significant part of the Kalmyk merchants, led by the governor of the Kalmyk Khanate, Noyon Ubashi, migrated from Russia to Dzungaria, which had been conquered by China. The route of the Kalmyk Horde ran through the territory of the Yaik Cossack Host, which was part of the Orenburg Province, and further along the Kazakh steppes to the borders of the Chinese Empire. Based on the correspondence of the Kazakh Khan Nurali with the Orenburg Governor I. A. Reinsdorp, as well as the reports from Russian officers, the article examines the military interaction between the Russian and Kazakh troops involved in the pursuit of the Kalmyks. The objective of the military expedition undertaken by the allies was not achieved. Its failure was due to a number of political and military organizational factors, including diverging objectives and the failure to establish trust between the allies. The Russian corps were sent on a campaign understaffed, with limited provisions, and the lack of experience in long campaigns far from borderlines. As a result of faster advance and successful maneuvering, the Kalmyks managed to avoid clashes with the Russian army.

© Джунджузов С. В., 2026

Keywords: military alliance, Dzungaria, Kazakh Nurali Khan, the Kalmyks, Orenburg governor I. A. Reinsdorp, pursuit, supply, steppe.

For citation: Dzhundzhuzov S. V. The Russian-Kazakh Military Alliance during the Migration of the Kalmyks from Russia in January — August 1771. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 1 (57), pp. 114—128. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.57.8>.

Введение

Уход из России в 1771 г. в завоеванную Китаем Джунгарию более 150 тыс. калмыков-торгоутов стал последним значительным перемещением кочевников в истории Евразийского континента. Естественное стремление Российской империи остановить и вернуть своих степных подданных к местам их прежнего проживания было отмечено рядом событий и явлений, которым в исторической литературе не придается должного внимания. К их числу следует отнести бунт яицких казаков, отказавшихся преследовать ушедших за реку Яик калмыков, проведенную в Оренбургской губернии мобилизацию регулярных и нерегулярных войск для экспедиционных корпусов, общая численность которых превысила 10 тыс. человек. Особого внимания заслуживает достижение договоренности России с казахским правителем Нурали-ханом о совместных военных действиях против ушедших из российского подданства калмыков.

Факт привлечения оренбургским губернатором хана Младшего жуза и его родственников к преследованию калмыков достаточно подробно описан в исторической литературе, но не в качестве обособленной историографической проблемы. В центре исследовательского внимания всегда были вопросы, связанные с трудностями продвижения калмыков по казахским степям и понесенными ими людскими потерями, в том числе в столкновениях с казахами и киргизами. Меньший интерес вызывают неудачные действия российских экспедиционных корпусов. Они в основном констатируются, но не анализируются.

Автор первого фундаментального исследования истории казахских жузов А. И. Левшин сформулировал общую для последующей историографии оценку действий русских отрядов, которые «по разным обстоятельствам не соответствовали ожиданиям правительства, а потому основательные надежды на удержание калмыков оказались тщетными... Вооружение всех киргизских орд поступило только к истреблению значительной части бежавших торгоутов, но не возвращению их в пределы России» [6, с. 255—256].

Значительную долю ответственности за неудачный российско-казахский поход против калмыков М. Новолетов возлагал на командовавшего корпусом генерал-майора М. М. фон Траубенберга. По его мнению, генерал действовал крайне медлительно и соединился с Нурали-ханом с большим опозданием, когда калмыки уже успели отдалиться от них на большое расстояние. Ошибочным считал М. Новолетов и решение М. М. фон Траубенберга о прекращении похода из-за отсутствия продовольствия. К тому же генерал отказал Нурали-хану в просьбе о передаче нескольких орудий и до тысячи человек из своего корпуса, которых он обещал перевозить и содержать за свой счет [7, с. 50].

Авторитетный исследователь истории Оренбургского края и Уральского казачества В. Н. Витевский возлагал ответственность за провал военной кампании по преследованию беглых калмыков на оренбургского губернатора генерал-майора И. А. Рейнсдорпа и командовавшего войсками Оренбургского корпуса генерал-майора И. К. Давыдова. «Распоряжения Рейнсдорпа были или несвоевременны, или же совсем невыполнимы; в Давыдове, отличавшемся недостатком распорядительности, калмыки нашли не противника, а помощника своим намерениям» [1, с. 395].

Выводы, представленные в трудах дореволюционных исследователей, находят отражение в работах современных историков. Ведущими центрами изучения истории кал-

мыцкого народа в Российской Федерации в настоящее время являются научные учреждения Республики Калмыкии — Калмыцкий государственный университет и Калмыцкий научный центр РАН. В последние десятилетия в монографиях и статьях Е. В. Дорджиевой [3], В. И. Колесника [4], В. Т. Тепкеева, А. В. Цюрюмова [18, с. 333—364] представлен глубокий анализ причин, хода и последствий откочевки значительной части калмыков из России в 1771 г. Однако за исключением статьи В. Т. Тепкеева «Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г.», написанной в соавторстве с казахстанским историком З. Е. Кабульдиновым [17], проблема российско-казахского военного союза не подвергается специальному изучению.

Между тем привлеченный авторами архивный материал содержит немало интересных подробностей о разных аспектах военного и дипломатического взаимодействия губернаторов приграничных губерний с казахскими правителями. Заслуживают внимания и некоторые вытекающие из них авторские обобщения. Так, В. И. Колесник отметил, что, несмотря на принадлежность к чуждому европейской цивилизации миру кочевников, калмыцким и казахским правителям не удалось прийти к мирному соглашению: «...слишком велик был соблазн для казахов с помощью русских легко и с выгодой для себя рассчитаться с калмыками за все прошлые обиды» [4, с. 209].

Статья В. Т. Тепкеева и З. Е. Кабульдинова хотя и посвящена казахско-калмыцким отношениям, но написана на архивных источниках из фондов российских правительственных и губернских учреждений. И поскольку значительную часть привлеченных документов составили письма казахских правителей, на основе которых принимались властные решения, то и сама статья является важным историографическим вкладом в изучение российско-казахского военно-дипломатического взаимодействия по калмыцкому вопросу в рассматриваемый период [17].

Исследование российско-казахского альянса, направленного против ушедших из России калмыков-торгоутов, предусматривает рассмотрение дипломатического и военного взаимодействия России с правителем Младшего казахского жуза ханом Нурали, организации их совместной войсковой экспедиции и обстоятельств, не позволивших союзникам остановить и принудить калмыков к возвращению в российское подданство.

Источниками для рассмотрения российско-казахских отношений в период откочевки калмыков в 1771 г. послужили документы из фонда Ф-3 Оренбургской губернской канцелярии Объединенного государственного архива Оренбургской области. В их числе адресованные оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу письма Нурали-хана, его сыновей и других казахских султанов, черновики ответных писем губернатора, а также иная документация, связанная с российско-казахским военным и политическим взаимодействием.

Результаты исследования

Отношения между калмыками и казахами существенно обострились на рубеже 1760—1770-х гг. Нурали-хан требовал от российских властей принять решительные меры для принуждения калмыков к возвращению отогнанного ими казахского скота. В. Т. Тепкеев и З. Е. Кабульдинов обратили внимание на наличие двух версий объяснения набегов калмыков на казахские кочевья. Первая исходила от нойона Бамбара, осуждаемого как зачинщика конфликта. Бамбар же находил оправдание своим действиям в отсутствии разграничения выпаса казахского и калмыцкого скота, вольно пасшегося без пастушьего присмотра. К тому же и сами казахи недавно совершили нападение на улус его племянника Капитана, пленили его людей, а «некоторых побили» [17, с. 759].

На второй версии объяснения враждебной активности калмыков настаивал Нурали-хан. Казахский правитель стремился убедить оренбургского губернатора, что цель за-

хвата калмыками казахского скота заключается в подготовке их к уходу в Джунгарию [5, с. 202]. Высказанные ханом подозрения подтверждались показаниями двух плененных казахами калмыков, которые для большей убедительности были переданы российской стороне. 30 января 1770 г. состоялся их допрос в Канцелярии Яицкого войска. Первый из них, Габун Санжи, заявил, что об умысле калмыков к побегу слышал от хороших людей, «которые бывают около зайсангов в проговорах», «что положено намерение киргискайсакский скот весь забирать, без остатку, и потом бежать отсель в Зюнгорию». Но в какое время должен случиться побег, ему не сказали [8, л. 163 об.]. Второй калмык, гецюль Бадыш Хадасунов, внес уточнение, что умысел к побегу возник у калмыков прошлым летом, когда они находились на службе, где «покою не знали и скот свой поморили». По возвращении со службы постановили: «...скот киргизский забрать весь, без остатку, и более уже не кочевать. А хотим отойти в Зюнгорию окончательно около праздника Цаган Сары» [8, л. 163 об.].

На основании полученного из Оренбурга донесения Коллегия иностранных дел 7 февраля 1770 г. направила состоявшему при калмыцких делах полковнику И. А. Кишенскому указ, разъясняющий мнение российского правительства по поводу возникших в отношении нойона Шеаренга и всего калмыцкого народа подозрений в государственной измене. Копия этого указа для руководства была доставлена в Оренбургскую губернскую канцелярию. По мнению Коллегии, Нурали-хан из личной неприязни распространял слух о намерении нойона Шеаренга возвратиться в Джунгарию. Казахи неоднократно обвиняли нойона в незаконном захвате их скота. Желая, чтобы Шеаренг был удален от Яика, казахи «в жалобах своих его никогда не обходят, а время от времени подозрительным сделать стараются» [9, л. 63].

Для бегства из России у Шеаренга не было никаких причин. Его земельные владения в Джунгарии были конфискованы. Китайские власти требовали выдачи и самого нойона как государственного преступника: «Его и имя долженствует китайцам, настоящим Зенгории обладателям, ненавистно» [9, л. 62 об.]. К тому же в 1769 г. он снискал славу храброго воина в победоносном сражении с кубанскими татарами на реке Калаус.

Весомым доказательством отсутствия намерения калмыков покинуть Россию Коллегия считала сам факт угона казахского скота, пленение четырех и убийство семнадцати пастухов. Чтобы обеспечить себе безопасный путь через казахские степи, калмыки, напротив, должны были поддерживать с казахами добрососедские отношения. В то же время, учитывая склонность кочевых народов к неожиданным и легкомысленным поступкам, И. А. Кишенскому следовало провести расследование, а для успокоения казахов принять меры к возвращению их людей и скота, и «чтоб все приключившиеся предерзости калмык примерным образом наказаны были» [9, л. 61—63 об.].

Возвращение укрываемого калмыками казахского скота оставалось главным требованием Нурали-хана вплоть до подтверждения в середине января 1771 г. известия об откочевке калмыков. Более того, в письме от 30 декабря 1770 г. хан обвинил яицких казаков и их атамана Петра Танбовцева в покровительстве воровским калмыкам. Ссылаясь на известия, полученные от нойона Ондона и других владельцев, он утверждал, что прошлой зимой калмыками было отогнано 10 верблюдов и 1200 казахских лошадей. Еще 120 лошадей калмыки тогда же отогнали у казаков, но последние были возвращены хозяевам. По имеющимся сведениям, верблюдов калмыки отдали атаману Танбовцеву, а лошадей перегнали к «вершине» реки Белой. Покровительство вора-калмыкам со стороны Яицкого войска Нурали-хан объяснял тем, что среди них были калмыки, приписанные к войску: «Когда войску Яицкому, что их калмыки были и известно стало, следовательно, и

представлениям их для усвоения скота чинимым, верить, кажется, справедливо быть не может» [10, л. 3].

По мнению правительства, высказанному в указе Военной коллегии от 26 января 1770 г., в силу представляющихся трудностей и угрозы потери системы управления, сложившейся у калмыцкого народа в составе России, калмыки едва ли решатся покинуть ее пределы [9, л. 61]. Директива Коллегии была воспринята оренбургским губернатором И. А. Рейнсдорпом как руководство к пассивному наблюдению.

Осознание ошибочности в понимании истинных намерений калмыков пришло к Рейнсдорпу не ранее 23 января 1771 г., когда почти одновременно были получены донесения от генерал-майора И. К. Давыдова и коменданта Царицынской крепости И. Е. Цеплетева. Первый доносил о начавшейся 19 января переправе калмыцких улусов на степную сторону реки Яик близ Калмыковой крепости и Красноярского форпоста, а второй — об измене наместника Калмыцкого ханства Убаши [11, л. 56, 58—58 об.].

Уже 11 января И. К. Давыдов отписался в Оренбург, что получил от Канцелярии Яицкого войска известие, подтверждавшее намерение калмыцкой волжской орды переправиться через Яик и уйти в Джунгарию. В случае достоверности этой информации генерал предлагал уведомить Нурали-хана о грозящей его народу опасности. Оренбургский губернатор предпринял неуклюжую попытку использовать боевые силы казахов, не раскрывая истинных намерений наместника Калмыцкого ханства. Нурали-хану он написал, что калмыки вознамерились перейти Яик для отгона казахских лошадей. На яицких форпостах будут приняты меры предосторожности. Но если все же калмыки прорвутся через Яик, то хан, не допуская разорения, должен разбить калмыцкое войско, переловить калмыков и передать российским властям [11, л. 2].

Дипломатические ухищрения губернатора И. А. Рейнсдорпа оказались напрасными. Нурали-хан счел нужным напомнить, что годом ранее через попавшихся на воровстве скота калмыков он был уведомлен о готовящемся калмыками побеге. Тогда же полученной информацией хан поделился с яицким старшиной М. Бородиным и самим губернатором. К тому же, если бы калмыки намеревались в очередной раз ограбить казахов, то пошли бы налегке, а не гнали в большом количестве собственный скот [11, л. 118].

В сложившихся обстоятельствах именно Нурали-хан выступил инициатором совместных с российской стороной боевых действий против калмыков. Он вознамерился сам возглавить казахское войско и обратиться с призывом к своим сыновьям и ко всем влиятельным султанам Младшего и Среднего жузов принять участие в походе. Хан советовал И. А. Рейнсдорпу направить на соединение с ним конные войска с артиллерией и включить в их состав башкир. А непосредственно для его, хана, сопровождения откомандировать отдельный отряд из 300 военных людей с несколькими пушками. Русский отряд будто бы мог понадобиться для передачи российской стороне калмыков, задержанных ханским войском. Содержанию при своей особе русского отряда Нурали-хан также придавал символическое значение, призванное вызвать страх в рядах мятежных калмыков: «Со всем тем, если хотя несколько ваших людей с пушками ко мне присланы будут, то б они, калмыки, испужавшись пушечного звука, возомнили, что киргисцы с русскими соединились, и так бы подался способ бежать им в прежние пределы» [11, л. 292].

Намерение способствовать возвращению калмыков Нурали-хан объяснял исключительно верноподданническими чувствами — «сколько возможности нашей будет услуги мои е. и. в. оказать потщусь». Однако не в меньшей степени хана заботили его собственные интересы, о которых он прямо или завуалировав заботой о казахском народе сообщал в письмах к оренбургскому губернатору и другим российским сановникам. За счет одержанных побед и военной добычи Нурали надеялся укрепить личную власть и авто-

ритет как в кругу знати, так и в народных массах. Кроме того, за оказываемые военные услуги он рассчитывал получить от российского правительства дополнительные преференции материального и иного характера. Одно из первых требований Нурали-хана заключалось в освобождении казахов, удерживаемых в Оренбурге, как он считал, «безвинно» [11, л. 118—120].

Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп исполнил просьбы Нурали-хана. На соединение с ханским войском на реку Илек в начале февраля была направлена посланная прежде в Яицкий городок команда оренбургских казаков во главе с казачьим полковником А. А. Углецким [11, л. 310]. Однако в силу непредусмотренных договаривавшимися сторонами обстоятельств команда Углецкого не смогла сопровождать Нурали-хана.

Из доставленного 16 февраля письма Нурали-хана следовало, что полковник А. А. Углецкий со своей командой подошел к его лагерю 13 февраля. Из-за недостатка фуража и усталости от длительного перехода по заснеженной степи артиллерийские и часть казачьих лошадей исхудали и были не в состоянии продолжить поход. Нурали предложил Углецкому вернуть художонных казаков, а самому идти дальше с небольшим отрядом на хороших лошадях, взяв с собой артиллерию. А. А. Углецкий, сославшись на отсутствие резолюции от губернатора, заявил, что не вправе отделять и возвращать людей [11, л. 343].

Полковник А. А. Углецкий подтвердил мнение Нурали-хана об изможденном состоянии лошадей в казачьей команде. Но со своей стороны добавил, что при самом хане состоит не более двухсот воинов и о других его резервах он ничего не знает. О движении калмыков у хана также нет никаких точных известий [11, л. 355 об.]. В рапорте от 15 февраля Углецкий сообщил о достигнутой с Нурали-ханом договоренности. Казачья команда должна продвинуться по реке Илек до устья речки Хобды, где остановиться лагерем и ожидать от хана дальнейших указаний [11, л. 378—379].

Для поддержания связи с Нурали-ханом были отправлены четыре казака. 24 февраля двое из них вернулись с сообщением, что хан с войском направился к озеру Каракуль, до которого от реки Хобды восемь дней пути. Там он намерен был остановиться, а полковнику Углецкому велел двигаться по его следу. А. А. Углецкий не считал возможным выполнить распоряжение казахского хана. К этому времени в его команде пало от бескормицы 56 лошадей, 3 из которых гужевые, предназначавшиеся для перевозки пушек. В рапорте губернатору он указал, что и «прочие артиллерийские и казачьи [лошади] в такой худобе, что и ходить не могут. А особливо артиллерийские, все до одной пристали. Почему артиллерию везут на казачьих лошадях». Но даже в случае предоставления сытых артиллерийских лошадей пройти степью они смогли бы не более ста верст [11, л. 413].

Брат Нурали-хана, Айчувак-султан, через своего посланца Кутая известил Углецкого, что намерен с отрядом из 700 человек идти к озеру Каракуль и усилить ханское войско, а также разведать местонахождение калмыцкой орды. Полковник Углецкий считал объединенное казахское войско слишком малочисленным, чтобы воспрепятствовать откочевке калмыков [11, л. 416—416 об.].

Почти месяц от Нурали-хана не было никаких известий. По распоряжению губернатора гонцы с письмами дважды направлялись в ханскую ставку. Первая эстафета, состоявшая из трех казаков, выехала в степь 5 марта. Им было дано наставление: выяснить у хана или других владельцев, «где они, калмыки, и в каком состоянии находятся» [12, л. 49, 50]. Все трое пропали в пути, не доехав до ханской ставки.

Неудачей обернулась и отправка из Илецкой Защиты с письмом к Нурали-хану толмача Аптиша Есургова. По возвращении А. Есургов рассказал, что на пятый день пути у реки Булдуурты (Булдырты) ему встретилось скопление казахов разных родов численно-

стью до 400 кибиток. Съехаться и сесть в осаду их заставила угроза калмыцкого нападения, которому уже подверглись находившиеся неподалеку казахские кочевья. Нурали-хан мимо них проехал пятнадцать дней назад и где теперь находился, им не известно. Провожатых Есургову встреченные им казахи дать отказались, из-за чего он решил вернуться на пограничную линию. Правда, из дошедших до тех же казахов слухов удалось узнать, что калмыцкая орда, останавливавшаяся на реке Уиле, откочевала на реку Эмбу, но в какое именно место, они сказать не смогли [12, л. 222—222 об.].

В письме от 18 марта губернатор И. А. Рейнсдорп в очередной раз сетовал Нурали-хану, что не может получить от него ответов на вопросы о том, где находится и в каких военных предприятиях задействовано казахское войско, куда ушли преследуемые калмыки и какие в их орде царят настроения. Ответы И. А. Рейнсдорп надеялся получить при посредничестве направленного к Нурали-хану астраханским губернатором Н. А. Бекетовым татарского мурзы Урусова и прикомандированного в Оренбурге к его миссии переводчика М. Арапова [12, л. 192].

Обнадеживающие известия о победах, одержанных казахскими войсками в столкновениях с калмыками, доставили казахи, приехавшие 14 марта из лагеря Айчувак-султана в его кочевье на Илеке. Первое нападение на калмыцкий улус, располагавшийся на расстоянии полудня пути от озера Каракуль, совершил состоявшийся в ведомстве Айчувака Барымбай-батыр. Набег завершился полным разгромом калмыцкого кочевья. Барымбай-батыр «мужской пол весь колол, а женок и малых ребят, также и скот в плен взял». Вдохновленный этим успехом и сам Айчувак-султан в ночное время организовал внезапное нападение на расположившихся на реке Сагызе калмыков. По словам информаторов, в том сражении много калмыков было побито, взяты в плен 130 женщин и детей и отогнано немалое число скота. Как доказательство одержанных побед на Илек привезли из плененных калмыков одну женщину и четверых малолетних детей [12, л. 243—243 об.].

20 марта оренбургскому губернатору доставили письмо и от самого Айчувак-султана, который подтвердил одержанные его войском победы и намерение его братьев, включая состоявшего у туркменом ханом Пирали-султана, а также самого влиятельного султана Среднего жуза Аблая вместе с Нурали-ханом воевать с калмыками. О расположении казахских войск в письме говорилось, что сам Айчувак-султан остановился в устье впадающей в Эмбу реки Черный Букенбай [так в тексте, сведения об этой реке автором не обнаружены. — С. Д.], а Нурали-хан в полудне езды от него. Султан уверял И. А. Рейнсдорпа, что за зиму калмыцкие лошади и верблюды пришли в крайнее истощение и калмыцкая орда перемещается очень медленно. Русские и башкирские войска смогут их перехватить, выдвинувшись к вершинам реки Орь, к Мугоджарским горам, вблизи которых, на реке Иргиз, калмыки должны остановиться на отдых [12, л. 344—345].

Письмо от самого Нурали-хана было доставлено оренбургскому губернатору только 7 апреля. В первых строках Нурали описал путь своего войска после расставания с полковником Углецким на реке Илек. Сперва, как и намечал, он направился к озеру Каракуль, откуда калмыки уже успели уйти в сторону рек Сагыза и Эмбы. Не дожидаясь подхода подкреплений, ханское войско устремилось к реке Эмбе, где, по словам Нурали-хана, он одержал большую победу над калмыками: «...из них, калмык, тысячу человек побил, а жен их и детей в добычу себе пленил». Боевые успехи его брата Айчувака в сообщении Нурали выглядели куда более скромно: «...брат мой, Айчувак солтан, так же особливо с ними, калмыками, сразясь, несколько калмык побил же и жен и детей их пленил. После чего и со мною соединился» [13, л. 116].

В современной историографии результаты сражений между калмыками и казахами в окрестностях реки Эмбы оцениваются весьма противоречиво. А. В. Цюрюмов числен-

ность совместного войска Нурали-хана и его младшего брата Айчувак-султана доводит до 30 тыс. человек. В ходе боев им удалось взять в плен около 750 калмыков [18, с. 356].

Е. В. Дорджиева, ссылаясь на опубликованный в 1869 г. в газете «Уральские войсковые ведомости» исторический очерк Юр-Ко «Бегство калмыков в Китай в 1771 г.», победу Нурали-хана не упоминает вовсе, зато пишет о незначительных поражениях казахских отрядов 18 и 23 марта [3, с. 207]. Получив отпор, Нурали-хан уже не решался открыто атаковать противника, предпочитая находиться от него на определенной дистанции.

После победных реляций хан указал, что находится в ожидании подхода войск его сына Пирали и кочевавшего на реке Сырдарье брата Эрали-султана. Губернатору он также советовал как можно скорее направить войско к Мугоджарским горам, а если калмыков там уже не будет — то к реке Иргиз. Основываясь на показаниях пленных калмыков, Нурали-хан, как до него и Айчувак-султан, уверял И. А. Рейнсдорпа, что «калмыцкий скот весь худ, а лошадей нет, и все идут пешие. Причем престарелых своих людей бросают» [13, л. 117].

Нурали-хан всячески стремился поддерживать репутацию решительного поборника российских интересов, и не только на полях сражений. Во время пребывания на Эмбе он отказался от предложения наместника Калмыцкого ханства Убаши заключить перемирие. Послу калмыцкого правителя зайсангу Тундуге было заявлено, что мятежники должны возвратиться в свои прежние кочевья и просить прощения у Екатерины II. Со своей стороны Нурали-хан обещал им содействие. В противном случае грозился совместно с российским войском идти на наместника войной. «В таком случае никакого добра видеть он [Убаши] не может». Отказ Нурали-хана от перемирия с калмыками, по его свидетельству, вызвал ропот возмущения в казахском народе. Народное недовольство сводилось к тому, что российские власти отказываются возвращать беглых казахских пленников, ищущих защиту в яицких приграничных крепостях. В итоге верноподданническая риторика хана была подведена под конкретное меркантильное требование: «Вашего превосходительства прошу бегавших от нас завоеванных калмыцких жен и детей в линейные крепости приказать возвращать» [13, л. 116 об. — 117].

Нурали-хан тогда еще не знал, что яицкие казаки, ссылаясь на невыплату жалованья за минувшие пять лет и лишение права выбора походных старшин, отказались выступить в погоню за калмыками [2, с. 156]. Хан выражал недовольство, что уже высланный, как он считал, из Яицкого городка казачий корпус к середине марта с ним еще не соединился. Встреченные на Эмбе группы казаков-разведчиков казахи ошибочно воспринимали за передовые отряды яицкого казачьего корпуса [13, л. 197 об.]. Главной силой, призванной остановить ушедших из России калмыков, теперь становился оперативно сформированный в Орской крепости корпус полковника М. М. фон Траубенберга. Его численность за счет призыва башкир и казаков из отдаленных Исетской и Уфимской провинций предполагалось довести до 6008 человек. Второй корпус, костяк которого составила команда А. А. Углецкого, комплектовался в Оренбурге. Его предписывалось пополнить 1500 башкирами и мещеряками [13, л. 38—38 об.].

Предполагалось, что путь мятежников-калмыков на Восток будет простирается параллельно Яицкой линии. Согласно плану, разработанному И. А. Рейнсдорпом и И. К. Давыдовым, корпус М. М. фон Траубенберга должен будет выступить, когда калмыцкая орда окажется на наиболее близком (250—300 верст) расстоянии от Орской крепости. Накануне выступления выяснилось, что для сопровождения корпуса не нашлось ни одного ориентирующегося в казахских степях проводника [13, л. 249]. В силу этого обстоятельства при выборе маршрута М. М. фон Траубенбергу не оставалось ничего другого, кроме как руководствоваться указаниями Нурали-хана.

11 апреля, не дождавшись обещанных подкреплений из башкир и казаков, с месячным запасом продовольствия, полковник М. М. фон Траубенберг выдвинулся в степь к реке Камышле. На момент выхода в корпусе состояло 2011 человек, в том числе 719 солдат и офицеров регулярных драгунских полков, 25 возглавляемых поручиком артиллеристов, 1052 казака и 211 башкир и мещеряков [13, л. 207]. Такая же недоукомплектованность наблюдалась и в корпусе В. И. Могутова. Предполагалось, что не успевшие подойти к местам сбора казаки и башкиры нагонят свой корпус уже в степи.

Продолжавшийся месяц поход российских корпусов превратился в безрезультатное блуждание по казахским степям. В начале пути перед М. М. фон Траубенбергом стояла задача выйти на соединение с войском Нурали-хана. Следуя указаниям казахского правителя, полученным через переводчика Арапова, корпус полковника фон Траубенберга направился к реке Ирғиз [13, л. 249].

Следующее письмо, написанное Нурали-ханом полковнику М. М. фон Траубенбергу, минуя адресата, было доставлено в Орскую крепость 20 апреля. Нурали обвинял полковника в медлительности. Он писал, что подвластные ему казахи начинают терять терпение, выражают сомнение в самом движении к ним навстречу российского войска. Как личное оскорбление мог воспринять М. М. фон Траубенберг обвинение хана в том, что, получая от Ее Императорского Величества большое жалованье, он собирает войско в бесполезном месте и напрасно тратит время. Лошади и скот у калмыков на весеннем подножном корме уже оправились, и вскоре их преследовать будет невозможно. Заканчивая письмо, Нурали уведомил М. М. фон Траубенберга, что вслед за калмыками начал движение к реке Тургай [13, л. 357—357 об.].

Произведенный к этому времени в генерал-майорское звание, М. М. фон Траубенберг по прибытии на Ирғиз не застал там ни калмыцкую орду, ни казахского войска. О движении Нурали-хана к реке Тургай командир корпуса узнал 22 апреля. В силу многочисленности калмыцкого войска хан воздерживался от прямого с ним столкновения. Нурали требовал от М. М. фон Траубенберга немедленно выдвигаться к Тургаю и там объединиться с его войском [16, с. 17—18].

В рапорте губернатору И. А. Рейнсдорпу М. М. фон Траубенберг сетовал, что не был извещен о ранее посланном к нему ханом письме. От реки Камышлы ему следовало, не делая 120-верстный крюк к Ирғизу, держать путь прямо к реке Тургай. Генерал-майор все больше укреплялся во мнении о ненадежности казахских союзников. Не мог он от них добиться точных сведений, на каком расстоянии впереди от его корпуса находятся преследуемые калмыки: «В рассуждении, что, сколько каждодневно киргисцов на встречу не попадалось, одни говорят в трех, а другие в десяти, а иные в пятнадцати днях езды бегут. А на чем увериться, совсем не знаю. Только мне повелено было скорее приблизиться» [14, л. 221 об.].

Путь корпуса к Тургаю пролегал по песчаной, безводной местности. Из-за недостатка подножного корма обессиливали и гибли лошади. М. М. фон Траубенберг предупреждал оренбургского губернатора, что запаса продовольствия у него хватит только до 16 мая. Если к этому времени из Орской или сибирских крепостей провиант доставлен не будет, в корпусе начнется голод. Купить провиант и лошадей у казахов не представлялось возможным. Казахских кочевий им не встречалось, а даже если бы и встретились, то за неимением товаров вести с казахами меновую торговлю было бы нечем.

Кроме того, угрозу корпусу могли представлять и сами казахи. Нагайбакский казак Алексеев уведомил М. М. фон Траубенберга о намерении казахов отогнать корпусных лошадей. На основании этого донесения командир корпуса мимоходом заметил: «И хотя корпусу моему за продолжаемой предосторожностью от них ничего последовать неупо-

ваемо, но только доказывается их справедливая верность и какую в военном деле надежду на них положить можно» [14, л. 222].

Глубокое сомнение в надежности казахских союзников М. М. фон Траубенберг высказал и в ордере от 1 мая подполковнику В. И. Могутову, чей казачий корпус шел следом за ним. Нурали-хан будто нарочно двигается впереди него, не останавливаясь для соединения. Да и в самом соединении, как выразился новоиспеченный генерал, «то какая надежда слепая». Фон Траубенберг советовал держаться с казахами настороже: «...которые, боясь калмык, и, что удача им там не уповает, нам намерены или вред причинить, или в ночное время лошадей отогнать» [14, л. 233—233 об.].

3 мая направленный М. М. фон Траубенбергом в ханскую ставку подполковник Рычков встретился с Нурали-ханом. В приветственной речи хан много говорил о верности российской императрице, сожалел, что не участвовал в войнах с Пруссией и Турцией. Но побег волжских калмыков дает ему желаемый случай «ополчиться против неприятелей России». В ответной речи Рычков обратил внимание на обстоятельства, мешавшие корпусу двигаться быстрее. Подполковнику удалось уговорить хана остановиться и дожидаться русских союзников. А чтобы в дальнейшем продвигаться быстрее, М. М. фон Траубенберг должен был оставить тяжелый корпусной обоз. Обеспечивать его сохранность обязались оставшиеся при нем казахи, определенные ханом по одному человеку от всех знатных казахских родов. В противном случае не представлялось возможным нагнать калмыков, которые, как утверждала казахская разведка, тринадцать дней назад переправились через реку Тургай и уже подошли к Алтайским горам [16, с. 51—52].

Демонстрацией доверительных отношений стала передача Нурали-ханом российской стороне одного из трех калмыков, прибывших к нему с письмом от наместника Убаши. Мятежный калмыцкий правитель предлагал Нурали-хану заключить перемирие и обменяться пленными. Однако Нурали, надеясь на поддержку России и казахской знати, в том числе из других жузов, ответил отказом. Более того, он настойчиво советовал Убаши, оставив свое безнадежное предприятие, вернуться в Россию, просить прощения и покровительства у Екатерины II.

Переданный Нурали-ханом калмык, как и почти все его сородичи, по разным причинам отставшие от орды, рассказывал о желании простого народа вернуться в Россию, к местам прежних кочевий. Убаши и нойоны принудили подвластных калмыков бежать из российского подданства и теперь гонят их без всякого милосердия. Лишь страх неминуемого жестокого наказания удерживает их от побега. О численности мятежной орды и ее местонахождении пленник не мог сказать ничего существенного. По его подсчетам под властью Убаши находилось 30 тыс. кибиток, в каждой из которых было в среднем по четыре человека. Общая численность калмыцкого войска также составляла приблизительно 30 тыс. человек — по одному воину от кибитки. Но объяснить, насколько далеко продвинулась калмыцкая орда, он не смог [16, с. 53—55].

Совместный поход российского и казахского войска продолжался неделю. За месяц корпус генерал-майора М. М. фон Траубенберга продвинулся от Орской крепости в восточном направлении на 830 верст. 13 мая командир корпуса уведомил оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа, что принял решение завершить поход и повернуть к ближайшей российской крепости на Сибирской линии. Свое решение он мотивировал расходом месячного запаса провианта, ростом заболеваемости из-за потребления насыщенной солью воды из местных водоемов, а также потерей лошадей, вызванной изнурением от длительных переходов и отсутствием достаточного травяного покрова. 9 мая в «Дневных записках» капитаном Н. Рычковым сделана следующая запись: «С сего времени не было

иной пищи у людей, как исхудавшие или каким ни будь недугом поврежденные лошади, кои обыкновенно даваемы им были в пищу» [16, с. 67].

Не надеясь более на заверения Нурали-хана о скором обнаружении калмыков, М. М. фон Траубенберг направил сотню казаков для разведки к Алтайским горам. Возглавлявший разведчиков атаман исетских казаков Севастьянов по возвращении рапортовал, что «ныне де не только калмык, но ни одного верного слуха, но и возможного их следа наехать не могли» [14, л. 467; 16, с. 70].

Немаловажным фактором, повлиявшим на решение М. М. фон Траубенберга склониться к прекращению похода, служила, как он считал, неспособность Нурали-хана исполнять союзнические обязательства. После соединения с ханским войском выяснилось, что ни Нурали-хан, ни Айчувак-султан должной власти над своими людьми не имели. Рядовые казахи самовольно возвращались в свои кочевья. За калмыками они следовали не из усердия к служению России, а исключительно ради грабежа и добычи. Зная желание хана иметь при своем войске русскую артиллерию, М. М. фон Траубенберг рассчитывал приобрести у казахов для провоза пушек гужевых лошадей. Купить удалось всего трех, заплатив по 20 рублей за каждую, что более чем в два раза превышало их настоящую стоимость. В оправдание Нурали-хан вынужден был признать, что «он киргисцов к тому [продаже лошадей] принудить не может». В результате под провоз артиллерии приходилось отрягать казачьих лошадей, неспособных к таким тяжелым нагрузкам [14, л. 271].

Вслед за генерал-майором фон Траубенбергом прекратил преследование и повернул назад подполковник Могутов.

В свете сказанного представляется необидительным бытующее в историографии обвинение М. М. фон Траубенберга в самовольном прекращении похода. Основанием для него послужило письмо Нурали-хана, доставленное в Оренбург 28 июля. Со слов казахского хана выходило, что, когда союзные войска уже почти нагнали калмыков, М. М. фон Траубенберг под предлогом падежа лошадей и исчерпания провианта заявил, что далее его войско идти не может. В сложившихся обстоятельствах Нурали предложил оставить под его командованием до тысячи человек из российского войска с двумя-тремя пушками. Содержать и перевозить русский отряд казахский правитель обязался за собственный счет. Ссылался хан и на пленных калмыков, уверявших, что для возмущения идущего с наместником ханства народа достаточно будет появления русского войска [7, с. 51; 15, л. 271].

На полях перевода ханского письма оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп написал: «А по рапортам корпусных командиров значит, что он, хан, не только на толикое число людей, но и собственно для себя такого имущества не имел, тем меньше власти его к приобретению довольствия средств не доставало» [15, л. 271].

Дальнейшее преследование калмыков происходило уже исключительно силами войск, собранных в казахских жузах. Соединились они в урочище Ушун Кунрад. Калмыки же от реки Терсаккан, достигнув которой прервал свой поход генерал-майор М. М. фон Траубенберг, повернули на юго-восток по направлению к озеру Балхаш, чтобы затем, пройдя чрез Кецыс-юйдзыские степи и Халаторскую землю, выйти к пограничной с Китаем реке Или [4, с. 211].

Первое сражение направлявшихся к Балхашу калмыков с казаками, которых М. Новолетов характеризует «как всякий сброд людей, желающих добычи», произошло при реке Ширни-Шилке. И если М. Новолетов пишет, что закончилось оно скорее вничью, с обоюдными потерями, то Нурали-хан, видимо, имея в виду именно это сражение, подчеркнул, что выступивший из ближайших мест на сытых лошадях народ Аблай-султана, успевший прежде него напасть на калмыков, был ими обращен в бегство [15, л. 271—271 об.].

При дальнейшем преследовании казахи, не вступая с калмыками в большое сражение, внезапными атаками на слабо защищенные улусы захватывали в плен людей и угоняли скот. Одно из таких столкновений с противником Нурали-хан описал как крупное сражение, в котором его войско одержало большую победу: «Я, с нашими Меньшей орды войски, напав на них с боку, сражение произвели, обратя самих их, калмык, в бег, многих мечу придали и три пушки отбили. И так, держа в безводном и песчаном месте, в блокаде три дня сражались» [15, л. 271 об.].

От полного разгрома окруженных калмыков спас Аблай-султан. Поздней ночью, втайне от Нурали-хана, он провел переговоры с калмыцкими старшинами. По мнению Нурали, Аблай прельстился обещанием наместника Калмыцкого ханства Убаши в обмен на заключение мира выдать султану калмыцких девиц, а в приданое к ним холопов и множество вещей. К тому же на Аблай-султана оказывали давление китайские власти, ожидавшие вступление калмыков в подданство китайского императора. Позднее, оправдываясь перед Нурали-ханом, Аблай будто бы сказал, что «он хотел сделать тем хитрость, но оплошал» [15, л. 271 об.].

Оренбургский губернатор отнесся к победной реляции Нурали-хана весьма скептически. Сопоставляя ее с донесениями других информаторов, И. А. Рейнсдорп к сказанному Нурали-ханом приписал: «Только притом киргисцы не в таком успехе находились, как хан описывает. А больше калмыки удачу возымели, которые, будучи в российских армиях во употреблении и военному действию обучившись, гораздо против них, киргискайск, преуспели и много скота их захватили, чем принудили их, киргисцов, от себя отступить и возвратиться». Однако беспокойство губернатора вызвало известие о захваченных казахами пушках. Продажа казахам огнестрельного оружия, а тем более артиллерии, была под строгим запретом. Поэтому губернатор И. А. Рейнсдорп счел необходимым призвать Нурали-хана, «дабы он их [пушки] в доказательство своей победы и в знак к здешней стороне усердия, ко мне прислал, чем и справедливость его реляции точнее откроется» [15, л. 271].

С обвинением в измене Аблай-султана И. А. Рейнсдорп склонен был согласиться, так как считал его более преданным не российской императрице, а китайскому императору. Однако, по мнению губернатора, и эта информация, исходившая от Нурали-хана, требовала дополнительного подтверждения [15, л. 271 об.].

В свое кочевье Нурали-хан вернулся 20 июля. Решение прервать преследование калмыков он объяснял уходом войска Среднего жуза, затаившего обиду на Аблай-султана за пропуск калмыков. А вслед за Средним жузом последовали и казахские воины из Большого жуза. Преследовать калмыцкую орду со своим небольшим войском, к тому же на изнуренных длительными переходами лошадях, Нурали-хан не решился, хотя и оставил часть своих людей для нападения на калмыцкие улусы. Завершая часть письма, посвященную калмыцкой кампании, Нурали заверил оренбургского губернатора, что готов опять собрать казахское войско и на сытых лошадях отправиться в новый поход. Но только тогда, когда и российские войска отправлены будут: «ибо, соединясь с ними, поход продолжать имеет быть хорошо» [15, л. 272].

Проанализировав военные и дипломатические мероприятия, предпринятые казахскими правителями против откочевавших из России калмыков, А. В. Цюрюмов пришел к выводу, что Нурали-хан, обещавший Екатерине II приложить все силы в преследовании мятежной калмыцкой орды, выполнил императорский указ, а Аблай-султан вынужден был исполнить распоряжение китайских властей о беспрепятственном пропуске калмыков [18, с. 364].

В начале августа Убаши, потеряв за восемь месяцев перехода более половины уведенных из приволжских кочевий калмыков, как и рассчитывал, на реке Или подошел к китайской границе. 10 тыс. семей калмыков-торгоутов были приняты китайским правительством как подданные китайского императора, вернувшиеся на историческую родину.

В листе, адресованном от имени богдыхана из Китайского трибунала в Российский сенат, прием калмыков представлялся как акт милосердия для бежавших от голода и преследуемых русскими войсками несчастных людей. Чтобы не допускать дальнейших прений, китайская сторона напомнила, что сложившуюся ситуацию спровоцировала сама Россия. В конце 1750-х годов на ее территории нашли укрытие джунгарские беженцы, в том числе их предводители Амурсан и Шеаренг. Последних китайское правительство считало государственными преступниками и неоднократно требовало их возвращения. В такой же ситуации, как десятью годами ранее Китай, теперь оказалась Россия, не сумевшая задержать беглых калмыков на своей территории. В заключение китайский правитель задал риторический вопрос: «Когда уже с такою покорностью и склонностью покорились, есть ли такова обычай, чтобы их, поймавши, в российскую сторону назад отдавать и наказание учинить?». И сам же на него ответил: «Сие дело никак невозможно поступить» [15, л. 186 об. — 187]. О преследовании калмыков казахскими и киргизскими (бурут, харгасов, халаторцев) [7, с. 51] войсками в листе Китайского трибунала не упоминалось.

Заключение

Российско-казахское военное взаимодействие не привело к нужному России результату. Обезлюдевшая калмыцкая орда дошла до китайских рубежей и была принята в китайское подданство. Причины неудачной военной кампании по возвращению мятежных калмыков обусловлены рядом факторов политического и военно-организационного характера. В первую очередь следует обратить внимание на разницу целевых интересов союзников. Как уже неоднократно говорилось, прибегая к военной силе, Россия стремилась заставить мятежников покориться и вернуться к местам своих прежних кочевий. Для казахов главным стимулом служила военная добыча — калмыцкие пленники и скот. Да и сам уход большей части калмыков из волжско-уральских степей обеспечивал безопасность казахских кочевий на западных рубежах и благоприятствовал освоению освобожденного степного пространства. Свою роль сыграло и разочарование командующего российским корпусом М. М. фон Траубенберга в сплоченности возглавляемого Нурали-ханом казахского войска и распространение слуха о намерении казахов угнать у русских союзников табун лошадей.

Оторванные от баз снабжения, недоукомплектованные личным составом корпуса М. М. фон Траубенберга и В. И. Могутова смогли продержаться в степи не более месяца. В организации преследования калмыков им приходилось ориентироваться на неточные и запоздалые сведения, поступавшие из лагеря Нурали-хана. В результате более быстро продвигавшимся и удачно маневрирующим калмыкам удалось оторваться от преследователей и избежать столкновения с сильным российским войском.

Военная кампания 1771 г. не внесла изменений в российско-казахские отношения. Однако заслуживает внимания тот факт, что это было единственное российско-казахское военно-политическое взаимодействие в XVIII в., результатом которого стал совместный поход российского и казахского войска.

Список источников

1. Витевский В. Н. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. № 12. С. 385—396.
2. Джунджужов С. В. Попытка привлечения оренбургских казаков к преследованию уходивших из России калмыков в феврале — марте 1771 года // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2026. № 1 (57).

ского университета. Электронный научный журнал. 2025. № 2 (54). С. 147—160. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/54/6_54_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.6.

3. Дорджиева Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
4. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М. : Восточная литература, 2003. 286 с.
5. Кундакбаева Ж. Б. «Из твердого моего Её Императорскому Величеству усердия Вам доношу». Письма казахского хана Нурали оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу во время откочевки калмыков в Джунгарию. 1770—1771 гг. // Исторический архив. 2009. № 1. С. 199—212.
6. Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. 4.2. Исторические известия. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1832. 332 с.
7. Новолетов М. Калмыки : исторический очерк. СПб. : Изд. владельца Малодербет. улуса Нойона Церен-Давида Тундута, 1884. 79 с.
8. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 104.
9. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 105.
10. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 113.
11. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 114.
12. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 118.
13. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 119.
14. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 120.
15. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 121.
16. Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи, 1771 году. СПб. : При Императорской Академии наук, 1772. 104 с.
17. Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 4. С. 756—768.
18. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста : Джангар, 2007. 462 с.

References

1. Vitevskii V. N. Yaitskoe voisko do poyavleniya Pugacheva [The Yaik army before Pugachev]. *Russkii arkhiv*, 1879, no. 12, pp. 385—396. (In Russian)
2. Dzhundzhuzov S. V. Popytka privlecheniya orenburgskikh kazakov k presledovaniyu ukhodivshikh iz Rossii kalmykov v fevrale — marte 1771 goda [An attempt to involve Orenburg Cossacks in the persecution of Kalmyks leaving Russia in February — March 1771]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 2 (54), pp. 147—160. Available: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/54/6_54_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.6. (In Russian)
3. Dordzhieva E. V. *Iskhod kalmykov v Kitai v 1771 g.* [The Kalmyk exodus to China in 1771]. Rostov-on-Don, SKNTs VSh Publ., 2002. 210 p. (In Russian)
4. Kolesnik V. I. *Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noi Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vv.* [The last great nomadic movement: The Kalmyk migration from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 286 p. (In Russian)
5. Kundakbaeva Zh. B. “Iz tverdogo moego Ee Imperatorskomu Velichestvu userdiya Vam donoshu”. Pis'ma kazakhskogo khana Nurali orenburgskomu gubernatoru I. A. Reinsdorpu vo vremya otkochevki kalmykov v Dzhungariyu. 1770—1771 gg. [“Out of my steadfast zeal, I report to Her Imperial Majesty”. Letters from the Kazakh Khan Nurali to the Orenburg Governor I. A. Reinsdorp during the Kalmyk migration to Dzungaria. 1770—1771]. *Istoricheskii arkhiv*, 2009, no. 1, pp. 199—212. (In Russian)
6. Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kaisakskikh ili kirgiz-kazach'ikh ord i stepei. 4.2. Istoricheskie izvestiya* [Description of the Kirghiz-Kaisak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes. 4.2. Historical information]. St. Petersburg, Tip. Karla Kraiya Publ., 1832. 332 p. (In Russian)
7. Novoletov M. *Kalmyki: istoricheskii ocherk* [Kalmyks. A historical essay]. St. Petersburg, Izd. vladel'tsa Maloderbet. ulusa Noiona Tseren-Davida Tundutova Publ., 1884. 79 p. (In Russian)
8. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg Region] (ОГАОО). F. F-3. Op. 1. D. 104.
9. ОГАОО. F. F-3. Op. 1. D. 105.
10. ОГАОО. F. F-3. Op. 1. D. 113.
11. ОГАОО. F. F-3. Op. 1. D. 114.
12. ОГАОО. F. F-3. Op. 1. D. 118.

13. OGAOO. F. F-3. Op. 1. D. 119.
14. OGAOO. F. F-3. Op. 1. D. 120.
15. OGAOO. F. F-3. Op. 1. D. 121.
16. Rychkov N. *Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Nikolaya Rychkova v Kirgis-Kaisatskoi stepi, 1771 godu* [Diary notes from Captain Nikolai Rychkov's journey through the Kirghiz-Kaisak steppe, 1771]. St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1772. 104 p. (In Russian)
17. Tepkeev V. T., Kabul'dinov Z. E. Kalmytsko-kazakhskie otnosheniya v period otkochevki kalmykov iz Rossii v Kitai v 1771 g. [Kalmyk-Kazakh relations during the 1771 Russia-to-China migration of the Kalmyks]. *Oriental Studies*, 2023, vol. 16, no. 4, pp. 756—768. (In Russian)
18. Tsyuryumov A. V. *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii* [The Kalmyk Khanate as part of Russia: problems of political relations]. Elista, Dzhangar Publ., 2007. 462 p. (In Russian)

Информация об авторе

С. В. Джунджузов — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

S. V. Dzhundzhuzov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 02.11.2025; одобрена после рецензирования 05.01.2026;
принята к публикации 20.02.2026

The article was submitted 02.11.2025; approved after reviewing 05.01.2026;
accepted for publication 20.02.2026